

Артем Губарьков

Рассказ о дерзких персонажах, которых придумал автор

Он исчез, пропал, канул (как это было?). Его мало кто видел, он редко попадался на глаза (идеал) и друзей у него было (и будет ему) не много. В районной службе жалоб – от него ни одной, даже на местные жилищно-коммунальные структуры, из страхового полиса – он лечился на стационаре лишь раз. Служил в офисе: никаких конфликтов, с коллегами он не особо общался, френдов не добавлял, начальники его помнят смутно, исполком – неохотно, райком – безразлично. Группа психологов определила его реакцию как норму, исследование общественного мнения в отчете указывает, что его взгляды были обычны, а следовательно, классово надежны.

Я действительно не помню, как стал (впервые исчезать). Да и возможно ли такое выразить (описать или записать? Нет. Я не знаю, не знаю). Его приятель стоял в сторонке и курил (он, кстати, так и называл свой балкон – сторонка, «пойдем, покурим в сторонке», «нервно?» – парировал какой-нибудь остроумный гость, «ага, покурим и немножко нервно»). Его приятель стоял в сторонке, курил и не мог поверить в случившееся: – Возможно, все началось тогда (Когда все это началось? Однажды я решил зайти к одному моему приятелю по какому-то вопросу. Была, кажется, зима, да, у меня еще от холода сводило мысли, а на языке вертелось имя Аскольд, и действительно, какое холодное имя – Аскольд. И все было необычно, аскольдово вокруг, аскольдово на душе и все, все необычно – и это имя, и то, что оно вертелось на языке, что сложно вообразимо), когда Саня вдруг зашел ко мне по какому-то вопросу. Он был бледен, весь измержший, но, кажется, холод не особо заботил его.

Он вошел в обычную панельную квартиру с обычным укладом и ковром на стене. Его приятель Андрей, простой кинокритик-богослов, трудился на то время в местном «газет» (с ударением на последний слог, как он говаривал). Словом, личность знатная в узких локальных кругах местных субкультур. Когда кинокартина изобилует библейскими мотивами – вызывают именно его. Впрочем, он мог истолковать, говорят, любой фильм одним стихом Писания. Занятым в нем было и то, как он объяснял смысл мироздания и взгляд на трагедию человеческого бытия: – Штука в том, что, – начинал он с серьезным видом, а затем взрывался хохотом, оттого что внезапно вспоминал какой-нибудь убойный, по его словам, эпизод фильма и благополучно забывал, о чем шла речь до этого. Он был не один, когда я вошел, у него как всегда бывала местная богема, и когда он вошел, у меня как раз сиживал мой старинный приятель Тихон Никонович – известный литературовед-писатель, апологет собственного творчества. Так вот прославился он тем, что полностью разобрал свое произведение: написал несколько рецензий, защитил диссертацию, издал научную монографию, где «разложил» всех персонажей, вскрыл все смыслы, аллюзии, метафоры, сюжетные линии, конфликты, и только некоторое время спустя – может, забавы ради – написал наконец-таки это произведение! Вот это силища вымысла! А, Сань? Круто? Вот и знакомьтесь. Они стояли в дверях тесной кухни. Тихон Никонович восседал с левого краю стола у окна, затем подвелся и подался вперед, чтобы поприветствовать гостя. Седина на висках весело заблестела.

– Очень рад, – сказал он, вежливо взглядываясь в продолговатое и напряженное лицо Александра. – У вас весьма не запоминающиеся черты лица.

– Этим они многим и запоминаются, – отстраненно ответил Александр, когда он и Тихон Никонович присели за стол, а Андрей поспешил к вскипевшему чайнику.

– А чем вы занимаетесь? – не унимался литературовед.

– Ну, к примеру, множу пустоту (любопытна была бы таблица умножения пустоты, подумалось мне в тот миг).

– Какой одновременно самокритичный и пафосный молодой человек! – Тихон Никонович и Андрей весело переглянулись.

– Саня, не высокоумь, – молвил Андрей, присоединившись к ним. – Мы тут как раз с Тихоном Никоновичем спорим о том, что метафизика всегда была чужда соцреализму, а последний плодил исключительно воспевателей земли... А вот Тихон Никонович так не считает...

Плитка шоколада, которую я взял, чтобы не вступать в дальнейший спор, оказалась очень кстати и твердой. Слова собеседников перестали излучать смысл, гомон голосов ушел на второй план, меня охватил неожиданный страх: еще одно усилие – и плитка шоколада разламывается под натиском верхних зубов, но внизу беспомощно барахтался язык, который мог тоже стать жертвой. Тогда мне подумалось, что это любопытная грань человеческой падшей греховной природы: еще усилие и – сладость, и тут же – горечь и стенание. Но как тяжело отказаться от этого хоть и опасного, но сладостного усилия.

– Андрей, ну а ты-то как считаешь? – взгляд Тихона Никоновича и Александра были направлены на изумленного Андрея с шоколадом во рту. Хруст. Шумное пережевывание.

– Ну, как и до этого, – ответил тот после небольшой паузы. Понятно было, что он не попал в тему.

– Так вот, – обратился литературовед к Александру. – А не посещала ли вас такая мысль, что все наши реплики выдумывает какой-нибудь автор, что мы герои некоего произведения или рассказа?

– Саня, ты куда? – удивился Андрей, когда тот подвелся и направился к двери. – Ты так и не сказал, по какому делу пришел...

– Да неважно, – отмахнулся он и вышел, и это был последний раз, когда я его видел. А что он нервен и нелюдим – таков он был всегда. Может, романтик, а может, и сумасшедший. Все это не взаимоисключающие вещи, мне кажется.

Андрей стряхнул пепел и зашаркал на кухню.

После той реплики литературоведа я вышел, и мне стало как-то неловко, и неловко оттого, что эту неловкость приписал мне автор секунду назад, и вообще, есть какая-то неловкость, когда все твои чувства, ощущения, реплики вот так выходят из-под пера, как чернила растекаются в наведенных контурах стержнем ручки, тут прямо-таки зуд какой-то. Неприятно, в общем.

Да, давно, давно казалось, а то и мерещилось, что нечто такое мне виделось. Будто я составляю композицию кадра какого-нибудь «нового Брессона». Да, всего лишь часть композиции, вынырнувшего из-за угла фотографа. Зачем я приходил к Андрею, трудно сказать. Возможно, чтобы сказать, что побег мой удался. Но я не захотел разделять эту радость с кем-либо еще. Как же здорово, что в мире еще есть где (исчезнуть!). (Пусть даже в скобках, да, в скобках есть где прислонить голову.) (Скобки напоминают лук, а слова – стрела, которая натягивается на тетиву.)

Шик индустриализации и псевдохайтека, столпы стекла и бетона с одной стороны улицы. Через дорогу ветхие двухэтажные постройки с заколоченными окнами. В них, под ними, на пороге оседали и лежали нищие, увечные, калеки. И все это, всю эту улицу пронизали трамвайные пути. Я шел и ловил себя на мысли, что люди, которые сейчас едут в трамвае, пристально меня рассматривают. Быть может, это только мои домыслы, и я шел дальше, огибая нищих, увечных, пытаюсь не озираться на трамвай, который будто нарочно замедлил ход и поравнялся со мной. Пассажиры прильнули к окнам и не сводили с меня глаз: кто-то изумленных, кто-то встревоженных и просто сочувственных. Мужчины глядели с неким самодовольством, женщины с состраданием, дети же, едва дотягиваясь до окон, поглядывали с приоткрытым ртом и трепетным любопытством. Все это продолжалось, пока я не свернул на другую улицу, куда благо рельсы еще не вели. Впервые я оценил по достоинству все эти железнодорожные пути – уже в самом наименовании некая железность и непоколебимость, удивительная четкость и слаженность. Тогда я пожалел, что человек не сразу находит свой непоколебимый, железный путь. И в то же время постоянное присутствие этого пути – неуклонное и железное следование к одной и той же конечной остановке. И только здесь не бывает опозданий. (Я больше не увижу их, они больше не увидят меня. Кто-то из нас исчез из наших жизней.) Я брел дальше, эта улица когда-то была мне знакома, но ничего не узнать, никого не узнать больше. Сужалась улица, мерцали лица, брела навстречу целующаяся пара, сумасшедший с бритвою в руке, развеселая свадьба, потусторонний с детонатором под сердцем. Я спокойно брел в беспокойное туманное утро,

в пространство улицы послепраздничной тишины, и подошвы собирали конфетти, разноцветные ленты, в пространство улицы, которая смыкалась, как тяжелевшие веки шофера-дальнобойщика. И балконы, они держали балконы закрытыми – об эту пору! – они держали свои балконы закрытыми.

Согласно какому-то древнему преданию, некий человек отправился на поиски края земли, а дошел лишь до края своего отчаяния. Преодолев это отчаяние, он вдруг вернулся туда, откуда начинал свой путь. И здесь он понял, что земля и отчаяние суть круглые или же шарообразные и, похоже, они имеют свой экватор. И здесь он заключил важную вещь: точки невозврата нет. Это первое. Второе – Земля, проходя дневной цикл, оборачиваясь вокруг своей оси, мало изменяется. Человек же, пройдя точку невозвращения, – может вернуться, а вернувшись – он совершенно иной.

Вставши ото сна, я поежился от холода и оглянул степи Монголии, которые раскинулись во всех направлениях. Еще была ночь, а к вечеру следующего дня мы должны перегнать скот на Алтай. – Как здорово, Баярту! – обратился я к своему напарнику. Он улыбнулся и кивнул в знак согласия, хотя и не понимал, о чем я говорю. Зернистые звуки варгана разлились в пространстве, мягкий свет бесчисленных звезд озарял наше сиротство и неизреченное счастье, мимо мчится табун диких лошадей.

